

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ И ЛИЦА В ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЕ МИРА

А.А. ШАЙКИН
(*Орел*)

ФОЛЬКЛОРНЫЕ СЮЖЕТЫ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» И ИХ РОЛЬ В ЛЕТОПИСНОМ ПОВЕСТВОВАНИИ

На рубеже 1940-х – 1950-х гг. Д.С. Лихачев выступил с гипотезой, согласно которой ядром возникающего летописания в XI в. стало так называемое «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси». Полемика с этой гипотезой уже велась (см. [Шайкин 1991]). Здесь мы остановимся на замечании Д.С. Лихачева о том, что «слой устных преданий лишь прикреплен к ним (эпизодам "Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси", – А.Ш.) и не может составлять самостоятельного произведения». По мысли ученого, «повествование о начале христианства на Руси древнее прикрепляемых к нему устных преданий» [Лихачев 1950, 61]. Каких-либо доказательств этих соображений он не приводит, кроме чисто логических: церковные сказания составляли единое произведение, а устные нет, стало быть, последние прикрепились к первым. Заметим, что логике не противоречит и прямо противоположный ход: при составлении летописи церковное сказание оказалось разбитым на фрагменты, которые прикрепились к материалу устных исторических преданий. Проверить такую возможность необходимо. В любом случае здесь не обойтись без прямых обращений к тексту – на уровне логических допущений вопроса не решить.

Если сопоставить объем информации слоя устных преданий с тем, который заключают в себе церковные сказания, то масштабы их окажутся несоизмеримыми. Устные предания несут на себе весь поток русской истории, передают судьбы основных ее участников-вершителей, причем судьбы эти увязаны единой композицией, тогда как церковные сказания

представляют собою либо дополнительные, привнесенные задним числом характеристики этих героев, либо отдельные эпизоды. Так что если разделить эти два слоя, как предлагает Д.С. Лихачев, то немедленно обнаружится их несоразмерность как в объеме и масштабе содержания, так и в чисто количественном отношении. Поэтому трудно допустить, чтобы частные и отчасти внешние (внесюжетные) церковные сказания явились исходным и организующим началом летописания, чтобы они могли «прикрепить» к себе обширное историческое повествование, связанное с устным преданием. И, наконец, если это гипотетическое «Сказание» начиналось только с крещения Ольги, то как к нему «прикреплялась» вся предшествующая славяно-русская история? Всё это не может не вызвать сомнений.

В рассказе о крещении Ольги два слоя – устные предания и церковные сказания – четко различимы. Для Д.С. Лихачева не подлежит сомнению инородность фольклорных фрагментов: в церковную историю «введены фольклорные, диаметрально противоположные по духу этой церковной основе светские анекдотические элементы... Церковная основа рассказа о пребывании Ольги в Константинополе принадлежит предположительно самой древней основе летописи – "Сказанию о первоначальном распространении христианства на Руси"» [ПВЛ 1950а, 306].

Вообще, сомнительно, чтобы монах-летописец (Иларион или Никон, если следовать концепции Д.С. Лихачева) взялся распространять священный для него сюжет первокрещения «светскими анекдотами». Обратную операцию можно допустить: фольклорный рассказ о крещении Ольги (точнее, о сватовстве к ней императора), должно быть, популярный и уже вошедший в традицию, надо было как-то вымыть, придать ему вид, соответствующий важности события. Пренебречь им было уже нельзя вследствие его широкой известности и, может быть, из-за отсутствия других источников. Главное, однако, что само строение текста статьи 955 г. не может свидетельствовать в пользу мнения Д.С. Лихачева.

Исторические события и лица в фольклорной картине мира

Если изъять фольклорные фрагменты в пределах, указанных исследователем [ПВЛ 1950а, 306–307], и посмотреть, как будет читаться оставшийся текст (опустив только несущественные для понимания событий проповеди и поучения), то получится следующее:

Иде Ольга в Греки, и приде Царюгороду. Бе тогда царь Костянтинъ, сынъ Леоновъ... (пропускаем фольклорный фрагмент), и крести ю царь с патреархомъ. Просвещена же бывши, радовашся душою и теломъ; и поучи ю патреархъ о вере... (опускаем проповедь). И благослови ю патреархъ, и отпусти ю... (пропускаем фольклорный фрагмент) Она же хотяща домови, приде къ патреарху, благословеня просяща на домъ, и рече ему: «Людье мои пагани и сынъ мой, дабы мя Богъ съблюль от всякого зла». И рече патреархъ: «Чадо верное!...» (опускаем поучение). Господь рече: «Приходящаго ко мне не изжено вонъ»¹.

Переход от сообщения о прибытии Ольги в Царьград к ее крещению оказывается слишком резким и никак не мотивированным. Специальное сказание о крещении, если бы оно существовало, не могло бы так походя, без подготовки, сообщить об этом событии: Ольга приехала, и крестили ее царь с патриархом. Нельзя также предположить, чтобы летописец изъял из церковного сказания необходимое предупреждение и заменил его фольклорным преданием о сватовстве царя к Ольге. Напротив, если исходить из первичности фольклорного предания о сватовстве царя, то никаких вопросов и неувязок не возникает: летописец дополняет несколько «легкомысленный» фольклорный рассказ о событиях, связанных с крещением Ольги, приличествующими такому событию проповедями, речами и поучениями.

Слишком стремительным, тем более для церковного сказания, кажется и переход от самого крещения и благословения патриарха к возвращению Ольги домой. Вряд ли летописец мог заменить здесь какой-то фрагмент церковного текста фольклорной вставкой о вторичном сватовстве царя (отметим, что главным героем церковных фрагментов является не Ольга, и не греческий царь, а патриарх). Между тем, если теперь соединить изъятые фольклорные «вставки», то окажется, что они образуют не только связный текст, но и стройный сюжетно организованный рассказ об интеллектуальном превосходстве русской княгини над греческим царем.

Иде Ольга в Греки, и приде Царюгороду.. и приде к нему (к царю². – А.Ш.) Ольга, и видевъ ю добру сущю зело лицемъ и смыслену, удививъся царь разуму ея, беседова к ней, и рекъ ей: «Подобна еси царствовати въ граде с нами». Она же разумевши рече ко царю: «Азъ ногана есь, да аще мя хощеш крестити, то крести мя самъ; аще ли, то не крецюся»; и крести ю царь... <...> И по крещены возва ю царь, и рече ей: «Хощу тя пояти собе жене». Она же рече: «Како хочеши мя пояти, крестиъ мя самъ и нарекъ мя дщерею? А въ хрестянехъ того несть закона, а ты сам веси». И рече царь: «Переклюкала мя еси, Ольга». И дастъ ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныхъ, и отпусти ю, нарекъ ю дщерью собе. <...>

Си же Ольга приде Киеву, и присла к ней царь греческий, глаголя, яко «Много дарихъ тя. Ты бо глаголаше ко мне, яко аще возвращаюсь в Русь, многи дары прислю ти: челядь, воськъ и скърбу, и вои в помошь». Отвѣщавши Ольга, и рече к сломъ: «Аще ты, рыци, тако же постоши у мене в Почайне, яко же азъ в Суду, то тогда ти дамъ». И отпусти слы, съ рекъши [ПВЛ 1950, 44–45].

Как видим, фольклорный «остаток» вполне самостоятелен: события, изображенные в нем, раскрываются вполне и до конца, для их понимания не требуется никаких дополнений. Показательно и то, что в реальном тексте статьи «Повести временных лет» 955 г. фольклорные части обрамляют историю крещения, и собственно событийная сторона рассказа приходится на них. В фольклорных фрагментах не участвует патриарх, действие разворачивается исключительно между Ольгой и царем.

Церковные фрагменты, взятые изолированно, не дают полноты действия: между ними образуются резкие перерывы, недостает мотивации. Действие в них не имеет признаков сюжетной организации. Фольклорные фрагменты, также взятые изолированно, выстраиваются в сюжетно завершенную «новеллу», смысловой вес в которой приходится на интеллектуальное состязание между русской княгиней и греческим царем. Крещение здесь оказывается лишь элементом этой «игры ума» – свадебной игры в загадки, которые загадываются жениху и которые он неспособен отгадать. Летописец не мог оставить важнейший

¹ Здесь и далее текст цитируется по изданию 14 [ПВЛ 1950].

² Полагаем, что имя царя в устном источнике отсутствовало и появилось как уточнение летописца: «Бе тогда царь Костянтинъ, сынъ Леоновъ». Имя царя варьируется в разных списках ПВЛ [ПВЛ 1950а, 308].

для него факт «первокрещения» только в таком контексте и предпринял со своей стороны усилия, чтобы придать этому событию дополнительный вес и значение. Он ввел фигуру патриарха, произносящего проповедь и дающего ободрительные наставления первой русской христианке, возвращающейся в языческую еще страну. Но вовсе устраниТЬ фольклорную основу он не мог, да, видимо, и не хотел, так как здесь русская княгиня выигрывала поединок с греческим царем.

Давно отмечено, что история сватовства императора – лишь вариант истории сватовства к Ольге древлянского Мала. Тем самым сюжет крещения сохраняет связи с предыдущими «древлянскими» историями, где Ольга демонстрировала ту же хитрость-мудрость, – это еще один эпизод *сюжета о мудрой деве*, часть всей «биографии» Ольги. Поэтому, в сущности, неправомерно рассматривать вопрос о соотношении церковных и фольклорных фрагментов данного эпизода вне всего контекста летописных рассказов о княгине. А контекст этот свидетельствует о первичности фольклорной основы в жизнеописании Ольги.

Не будем останавливаться на прочих церковных фрагментах с тем, чтобы оспорить их первичность в летописном повествовании. Суждения Д.С. Лихачева представляют собой систему. Если продемонстрирована несостоятельность отдельных звеньев системы, – под сомнением оказывается она вся. Проверку гипотезы Д.С. Лихачева мы провели вовсе не для того, чтобы усомниться в ней как таковой³. Выдвигая гипотезу «Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси», исследователь решал задачу создания «истории текста» ПВЛ, а история текста, в свою очередь, привлекается для объяснения «литературного строя» ПВЛ⁴. И здесь мы видим, как гипотеза текстологического характера, еще одна гипотеза «истории текста», приводит к прямому искажению «литературного строя» произведения, заслоняет очевидные реальности текста. В угоду текстологической гипотезе первичность и цельность насильтственно утверждаются там, где их нет, – в церковных фрагментах – и удивительным образом игнорируются там, где они действительно есть, – в

³ Виду того, что гипотеза эта используется в общих курсах, критика ее может иметь и самостоятельное значение (ср.: [История русской литературы 1980, 38–39; 1980а, 65; Кусков 1982, 47]).

⁴ Ср.: «Всякая попытка рассмотреть "Повесть временных лет" как единое и "неподвижное" целое вне истории ее создания, вне ее "течения", увела бы нас в мир противоречий и неясностей, привела бы нас к неправильным представлениям об этом вечно живом памятнике» [Лихачев 1950, 133–134].

слое устных преданий, составляющих основу всего исторического материала первой половины ПВЛ: до времени княжения Владимира Святославича, а отчасти и Ярослава.

Предание сохранило историческую память о прародине славян. Выяснив истоки славянства внутри библейской истории (сюжеты о разделении земли сыновьями Ноя и строительстве столпа в Вавилоне), летописец сообщает: «По множех же времянях сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорска земля и Болгарьска» [ПВЛ 1950, 11]. Только предание могло сберечь сведения о расселении славян, причинах этого расселения и новых названиях племен, связанных, в основном, с географическими объектами (топонимические предания).

Историю возникновения Киевского государства предваряет легенда о путешествии апостола Андрея, в ходе которого он предрекает величую будущность днепровским холмам: «Видите ли горы сия? – яко на сихъ горахъ восиять благодать Божья; имать градъ великий быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать» [ПВЛ 1950, 12]. Будучи, видимо, международным [Pogodin 1937 – 1938; Мюллер 1974], на русской почве этот легендарный сюжет был искусно использован летописцами: выполняя функцию сакрального пролога русской истории, он одновременно утверждал превосходство Киева над Новгородом, ибо величию будущего Киева новгородцы не сумели противопоставить ничего более возвышенного, чем привычку до полусмерти париться в бане.

Предсказание апостола должно немедленно исполниться, и летописцы следом помешают сюжет о Кие, Щеке и Хориве, объясняющий возникновение и имя города Киева. Это топонимическое предание дополняется династическим, в котором выясняется княжеский ранг Кия. Причем здесь летописец прямо ссылается на устные источники: «...не сведуще, рекоша, яко Кий есть перевозникъ...» [ПВЛ 1950, 13], другие же «сказають», что Кий княжил в роде своем, ходил к царю и честь от него великую принял.

Предание удержано воспоминание о давних врагах славян – обрах, которые ездили на дулаебских женщинах. Как и легенда об апостоле Андрее, оно сюжетно завершено и идеологически определено: «Быша бо объре теломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, и помроша вси...» [ПВЛ 1950, 14]. Его закреплению, видимо, способствовала возникшая по этому поводу поговорка: «И есть притъча в Руси и до сего дне: погибоща аки обре; их же несть племени ни наследька» [ПВЛ 1950, 14]. Предание помнит о двух братьях, Радиме и

Вятко, давших имена двум славянским племенам – радимичам и вятичам.

Последний фольклорный сюжет в недатированной части ПВЛ – о хазарской дань – привлекал внимание многих ученых, особенно в связи с недавно возникшей проблемой «хазарского ига», якобы не менее значительного, чем иго Золотой Орды (см. об этом полемику на страницах журнала «Вопросы литературы» [Кожинов 1988; 1989; Робинсон, Сазонова 1988; 1989])⁵. Для нас самым важным аргументом против «хазарского ига» является тот простой факт, что его не заметили русские летописцы, создатели начального летописания: они помнят «воловых», вытеснивших славян с дунайских берегов, помнят «обров», «примучивших дулебов», а от хазарского завоевания остался лишь сюжет о «полянских мечах», снимающий проблему хазарского ига⁶.

Поляне послали дань хазарам мечами, и это стало загадкой, которую разгадывают хазарские старцы. Смысловой потенциал загадки высок: дань мечами означает, что народ, давший такую дань – мужественный, способный продолжить борьбу, что торжество врагов временное, и победа над ними неминуема. Художественный же эффект в том, что всех этих слов в тексте нет, они спрятаны внутрь загадки, и разгадывать скрытые значения и тем самым прославлять полян (русь) вынуждены сами хазары.

Упомянутые сюжеты существовали в фольклоре IX – XI вв. независимо друг от друга. Летописцы выстроили их в хронологической, идеологической и нарративной последовательности, и они стали историей славян и Руси. Так, например, легенда о путешествии апостола Андрея никоим образом не могла в реальном бытования смыкаться с преданием о Кие и Киеве. По всей вероятности, предание о Кие, идущее из языческого прошлого, древ-

нее апостольской легенды⁷. Но летописец, составляющий историю Руси, увидел тут связь: апостол предрекает, что на днепровских холмах «воссияет благодать Божья» и «град великий» возникнет, и потому этот сюжет предваряет историю Киева и строительства Киева.

В летописи сюжеты, сложившиеся в языческий период, получают христианскую трактовку. Русские при этом оказываются богоспасаемым народом уже в эти давние, дохристианские времена [Антонова 1995 – 1996]. Так, обров истребил Бог; хазарские старцы предрекают торжество Руси «не от своей воли рекоша, но отъ Божья повеленья» и, действительно, русские князья владеют хазарами «до днешнего дне» [ПВЛ 1950, 16–17]; много зла приносили Руси печенеги, но отрок-кожемяка «перегля» их славу, и теперь печенегов нет, а Русь всё стоит. Летописцы не просто переносили на страницы летописи эпизоды устной истории – они выстраивали их в определенный ряд, пронизывали собственной концепцией богоспасаемости русского народа. Христианизация фольклора нередко приобретала вид провиденциализма особого рода: он вносился задним числом, по уже известному историческому материалу. Так, зависимость остатков хазар от русских тмутороканских князей была для летописца начала XII в. реальным фактом, но пророчествовать об этом «по Божьей воле» он заставляет хазарских старцев еще в ту пору, когда славянские племена становились легкой добычей могущественного каганата.

Таким образом, на фольклорной основе, упорядочивая и концептуально переосмысливая материалы народного предания, летописцы создавали картину движения русской истории. При этом нет сомнений в том, что сюжеты устной истории были тем первичным и основным материалом, из которого складывались начальные страницы русской истории. Выше были упомянуты следующие сюжеты (слово «сюжет» употребляется в широком смысле):

- прародина славян;
- их расселение;
- хождение апостола Андрея;
- Кий, Щек, Хорив и строительство Киева, разыскания о Кие;
- обры;
- Радим и Вятко;
- хазарская дань.

Вне сомнения, на устных источниках основанные сведения о названиях племен, их размещении на территории «нынешней» Руси, этнографическая статья об обычаях племен. Далее фольклорную основу надо признать в следующих сюжетах ПВЛ:

- призвание варягов и призвание учителей;
- деятельность Олега и его смерть;

- второй поход Игоря на греков и его гибель в древлянской земле;
- мщение Ольги древлянам и сватовство кней греческого царя;
- характеристика Святослава (видимо, письменная фиксация песни о Святославе);
- эпизоды, связанные с отражением печенежских нашествий (юноша-киевлянин, прорвавшийся сквозь печенежский стан, воевода Претич и печенежский князь);
- попытки Ольги приобщить Святослава к христианской вере и его ответы;
- речи Святослава о нежелании сидеть в Киеве, военные действия Святослава на Балканах и его гибель;
- расправа между детьми Святослава (особенно гибель Олега древлянского);
- Владимир и Рогнеда;
- борьба Владимира с Ярополком;
- похотливость Владимира;
- мученическая гибель варягов-христиан (о первых христианах-мучениках на Руси должно было возникнуть особое предание);
- радимичи и воевода Волчий хвост;
- Владимир, Добрыня и болгары;
- прения о вере;
- осада и взятие Корсуни;
- крещение в Корсуни (Корсунская легенда);
- возврат грекам Корсуни как вена;
- крещение киевлян;
- отрок кожемяка;
- пиры Владимира;
- «белгородский кисель»;
- столкновения Ярослава со Святополком, с Басславом;
- сюжеты о Мстиславе Тмутороканском: сражения с касогами и с Ярославом.

Перечисленные сюжеты составляют и в количественном отношении и по существу основу содержания первой половины ПВЛ. Эти сюжеты были дополнены текстами договоров с греками, сведениями из Георгия Амартала (точнее его продолжателя), цитированием книг Священного Писания и житий святых, «Речью философа» и некоторыми другими материалами. Устное предание, вне сомнения, несет основной массив сведений о русской истории VI – первой половины XI в., и это исходная, коренная роль в тексте ПВЛ очевидна. Эпизоды церковной истории при всей огромной их важности привносились в материалы устной саги о начале Руси и ее первых князьях.

В завершение необходимо коснуться вопроса о возможностях фольклора в изображении человека⁸. Распространенным является

мнение, что герои средневековых произведений, а тем более их фольклорные прототипы, достаточно просты, «однолинейны» и не могут вызывать разноречивых оценок. Нет сомнений, что известный летописный сюжет о мщении княгини Ольги древлянам первоначально сложился в фольклоре, а летописцы сумели придать этому сюжету направленность, опровергивающую привычную сказочную схему о сватовстве к «неприступной царевне» [Шайкин 1989, 54–55]. Все помнят, как Ольга «морочила» древлян и предавала их леденящим душу казням. Но похоже, что Ольгина «морока» продолжается. Так, в одной из работ можно прочитать, что «княгиня Ольга показана исключительно жестокой и мстительной», а ее жестокости «противопоставлены мирные намерения древлян», которые «пострадали за правое дело». В другой работе этот эпизод характеризуется как «написанный в экспрессивном шекспировском духе», в котором создан «панегирик мудрой правительнице языческой державы»; «автор любуется своей героиней, подчеркивает ее хитроумность, смелость... непреклонность и завершает свое сочинение назидательным описанием ее государственной мудрости». Эти полярные оценки принадлежат одному автору – академику Б.А. Рыбакову, при этом, высказывая вторую, более позднюю, он не дезавуирует первой [Рыбаков 1963, 180–181; 1987, 46–57]. Нетрудно понять, что в первом случае позиция исследователя объяснялась стремлением во что бы то ни стало отыскать в летописи антиваряжские настроения, а во втором эта тема перестала быть актуальной для Б.А. Рыбакова, и он сумел взглянуть на текст непредвзято. Важно другое: в русском фольклоре X в. был создан сюжет, обладающий амбивалентной художественной природой (то есть самая возможность такого разброса мнений и оценок у одного и того же читателя заложена в фольклорном сюжете и образе русской княгини, сохранившихся для нас летописью). Восхищение хитростью Ольги не может до конца преодолеть сочувствия к простакам-древлянам, симпатичным в своей откровенности и уверенными в своей правоте. Этим-то художественное творчество и отличается от других форм человеческого сознания, претендующих на однозначные и конечные решения. Художественное слово судит жизнь в ее динамике. В этом суде учитывается не только конечный итог, но и самый процесс жизни с его оттенками и резонами. И это качество, как видим, возникает уже на устной стадии развития художественного сознания и передается фольклором русской литературы в момент ее возникновения.

⁸ Под этим углом зрения данный материал рассмотрен в [Шайкин 1986; 1989, 12–115].

Литература

- Антонова 1995 – 1996 – Антонова Е. Повесть временных лет (к вопросу о художественном единстве) // Русское возрождение: Независимый русский православный национальный журнал. 1995 – 1996. № 64 – 65. С. 183–204.
- Гумилев 1989 – Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
- История русской литературы 1980 – История русской литературы: В 4 т. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века / Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье и др.; Ред. Д.С. Лихачев и Г.П. Макогоненко. Л., 1980.
- История русской литературы 1980а – История русской литературы X – XVII вв. / Под ред. Д.С. Лихачева. М., 1980.
- Кожинов 1988 – Кожинов В. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи // Вопросы литературы. 1988. № 12. С. 130–150.
- Кожинов 1989 – Кожинов В. Несостоятельные ссылки // Вопросы литературы. 1989. № 9. С. 236–242.
- Кожинов 1997 – Кожинов В. История Руси и русского Слова. Современный взгляд. М., 1997.
- Куксов 1982 – Куксов В.В. История древнерусской литературы. 4-е изд. М., 1982.
- Лихачев 1950 – Лихачев Д.С. «Повесть временных лет» (историко-литературный очерк) // Повесть временных лет. Часть 2: Приложения / Ст. и коммент. Д.С. Лихачева. М.; Л., 1950. С. 5–148.
- Ловмийский 1985 – Ловмийский Х. Русь и норманны. Перевод с польского. М., 1985.
- Мюллер 1974 – Мюллер Л. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // Летописи и хроники: Сб. ст. 1973. М., 1974. С. 48–63.
- Новосельцев 1987 – Новосельцев А.П. Восток в борьбе за религиозное влияние на Руси // Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 55–77.
- Петрухин 1997 – Норман Голб и Омельян Прицак. Хазарско-еврейские документы X века / Постсклон. и коммент. В.Я. Петрухина. М.; Иерусалим: Гешарим, 1997 (5757).
- ПВЛ 1950 – Повесть временных лет. Часть 1: Текст и перевод/Подгот. текста Д.С. Лихачева; перевод Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.
- ПВЛ 1950а – Повесть временных лет. Часть 2: Приложения / Ст. и коммент. Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.
- Робинсон, Сазонова 1988 – Робинсон М., Сазонова Л. Минимая и реальная историческая действительность эпохи создания «Слова о законе и благодати» Илариона // Вопросы литературы. 1988. № 12. С. 151–175.
- Робинсон, Сазонова 1989 – Робинсон М., Сазонова Л. Несостоятельные идеи и методы // Вопросы литературы. 1989. № 9. С. 242–252.
- Рыбаков 1963 – Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
- Рыбаков 1982 – Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1982.
- Рыбаков 1987 – Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Шайкин 1986 – Шайкин А.А. Эпические герои и персонажи «Повести временных лет» и способы их изображения // Русская литература. 1986. № 3. С. 89–108.
- Шайкин 1989 – Шайкин А.А. «Се повести временных лет...». От Кия до Мономаха. М., 1989.
- Шайкин 1991 – Шайкин А.А. «Повесть временных лет»: изображение человека и проблема литературной целостности текста. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991.
- Pogodin 1937 – 1938 – Pogodin A. Повесть о хождении апостола Андрея в Руси // BYZANTINO-SLAVICA. 1937 – 1938. Т. 7. С. 128–148.

Т.В. ХЛЫБОВА
(Москва)

ДУХОВНЫЙ СТИХ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКТА

Князья Борис и Глеб – ключевые фигуры в истории Русской церкви. Они были первыми канонизированными русским святыми. Погибшие во время междуусобных распри, братья прославили Церковь, явив пример вольной жертвы – смерти не за Христа, а в последование Христу, создав чин страстотерпцев, «самый парадоксальный чин русских святых» [Федотов 1990, 50], аналогов которому не было в византийском агиографическом каноне.

Известны три литературных памятника, посвященных событиям мученического подвига святых братьев, – летописная повесть под 1015 г. «Сказание и страсть и похвала святым мученику Борису и Глебу» анонимного автора и «Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпцу Борису и Глебу» преподобного Нестора. На их основе были созданы прологи к житиям, паремии, похвальные слова. Служба святым была сложена довольно рано, причем, как отмечают исследователи, корпус песнопений, прославляющих святых братьев, в три раза превышал гимнографический стереотип подобных служб по церковному уставу [Серегина 1994, 77]. Помимо этого количество текстовых и певческих вариантов одной и той же стихиры было огромно. Известны и духовные стихи о святых братьях.

Духовные стихи – особая область творчества, где пересекаются книжно-церковная культура и фольклорные традиции. Начальный импульс рождению сюжета в большинстве случаев давал литературно обработанный текст. Интересующий нас стих тоже имеет свою литературную «предысторию». В 1914 г. на заседании Общества истории литературы А.С. Якуб сделала доклад, посвященный стихам о братьях-мучениках, указав в качестве основных книжных источников «Сказание о Борисе и Глебе», службы святым и паремии. Расхождение с прототипами объяснялось ею гипотетическим существованием устного произведения – легенды или даже стиха, на который опирался автор-составитель окончательной редакции духовного стиха о святых князьях, присовокупив к нему сведения книжного характера. Впрочем, вопрос о книжном или устном приоритете остался А.С. Якуб нерешенным [Доклады 1915, 84]. Доклад вызвал